

ЭКОЛОГО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РОЛЬ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ

Орлов Г.Ю.

Московский архитектурно-художественный институт

Государственная Академия

Почему, говоря о золотом XIX веке русской культуры, мы всегда обращаемся к дворянской усадьбе? Подвижничество наиболее образованных деятелей русского Просвещения способствовало тому, чтобы возникла дворянская усадьба как феномен, сыгравший роль источника русской высокой культуры. Дворянская усадьба стала социальным и материальным обрамлением культурной жизни исключительного масштаба и резонанса. Желание сформировавшихся в XIX веке русских европейцев не покорить, а преобразовать природу привело к распространению по России прекрасных идеальных миров, которые было очень радостно создавать и которые оказалось так легко уничтожить.

В основе всякой культуры лежат мифы в лучшем смысле этого слова. Русская усадьба была прекрасным мифом, мечтой – превратить всю Россию в сад.
акад.Ю.С.Пивоваров

Почему, говоря о золотом XIX веке русской культуры, мы всегда обращаемся к дворянским усадьбам? Что такое сегодня дворянская усадьба: «призрачная, но реальность – или миф, сказка с красивыми иллюстрациями» (Дворянские гнёзда России, 2000)? Почему и сейчас, через полтора столетия после того, как кончилась их история, выходят многие публикации о русских садах и парках, об усадебной архитектуре, о жизни и быте в усадьбах? В ноябре 2012 г. отметило 20-летие возродившееся «Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ)». К ежегодным публикациям этого общества, к серьёзным монографиям отечественных историков (Вергунов, Нащокина, Кириченко, Швидковский и др.) присоединились солидные издания зарубежных исследователей (Рузвельт, 2008; Хайдден, 2009; Пайпс, 2012).

Но сначала определимся в понятиях. Усадьба и поместья, имения и гнёзда, плантации, подобные американским, латифундии, подобные английским, сады и парки... Неопределённость с опреде-

лениями... Можно сказать так, что дворянская усадьба – это часть (часто – незначительная, если иметь в виду площадь) дворянского имения, никогда не представляющего из себя единую латифундию, наподобие западноевропейской, а, как правило, раздробленного на отдельные земельные поместья-владения (Пайпс, 2012). На этой усадьбе, в главном доме посреди сада или парка, как наиболее представительной части своего имения, жил оседлым помещиком дворянин в окружении своих родных и домочадцев. К Манифесту Петра III от 1762 г. о пожаловании «...всему русскому благородному дворянству вольности и свободы» Екатерина II добавила в 1785 г. новые вольности, подписав грамоту о юридическом признании принадлежавших дворянам земель их полной собственностью, с одновременным освобождением дворян от телесных наказаний. Последнее добавление немаловажно. Свобода от обязательной государственной службы для дворян, ставших оседлыми помещиками, имела привлекательную сторону, потому что над душой у них стояла вечная неприязнь ко всякой государственной работе и инстинктивная реакция на всякое давление сверху. Самое главное – Манифест 1762 г. освободил дворянство от «принуждения к службе, которая до сего потребна была» и предоставил им право выбора своего жизненного пути. По наблюдению Шмидта, два понятия – «дворянство и благородство» – именно в то время отъединились одно от другого (Шмидт, 2002). Слово «дворянин» стало пониматься лишь в социально-государственном смысле: служивый человек, занявший своё место в лестнице «Табели о рангах», и получающий за свою службу жалованье. Но – свобода! Свобода от обязательной государственной службы для потомственной аристократии, настроенной оппозиционно ко двору и даже к государю, позволяла этой части дворян осесть в своих имениях. В советское время это подавалось как «дворянин-крепостник», получивший, благодаря «Манифесту», законное право на паразитический образ жизни, жестокость и тунеядство. Сегодня и термин «благородное сословие» звучит излишне патетически, что ли, с иронически-насмешливым оттенком. Так же, как и слово «интеллигент», впрочем. Но в XVIII в. принадлежность к «благородному сословию» заставляла поступать определённым образом. Дворянское достоинство осознавалось прежде всего как человеческое достоинство. Далее речь пойдёт, в связи с нашей темой, именно об этой верхушечной части дворянст-

ва, которая, вместо обязательной службы, предпочитала служение и уже не столько государству, сколько – Отечеству.

Следствием такого перемещения в пространстве – из городов в сельскую местность и оседания дворян в своих усадьбах было внесение культурного начала в сельскую жизнь. И это касалось не только материальных и бытовых сторон проживания на селе. Материальной основой жизни тех землевладельцев, которые наезжали в свои усадьбы только на летние месяцы, всё чаще становилось не жалованье, получаемое на городской службе, а доходы с имения. Тем более, что городов-то было мало (по некоторым данным в городах в XIX в. жило не более 2 % населения (Гольц, 2002), гораздо меньше, чем хотелось Екатерине II, и чем их было создано в проектах учреждённой ею «Комиссии о каменном строении».

Усадьбы становились центрами интеллектуального притяжения для мыслящих современников. Не берусь и не смею оспаривать тезис Лихачёва о том, что «культура – явление городское». Но мне кажется, что всё-же следует учитывать этот исторический этап в развитии России, который называется «Русская дворянская усадьба», когда на протяжении почти ста лет именно дворянская усадьба не менее, а, может быть, даже более, чем город, была источником высокой культуры.

И тут возникает такая мысль: дошедшие до нас, хотя бы по книгам, историческим воспоминаниям и реставрационным проектам, великолепные сады и парки с домами палладианской архитектуры и вся русская культура, возросшая на их почве, – всё это не благодаря природе, а вопреки. Хорошо создавать ландшафтные усадебные парки в омываемой Гольфстримом Англии, неплохо и во Франции, ещё лучше – в Италии. А в Россию-то их каким ветром надуло? Уж никак не с Ледовитого океана, от которого вся Восточно-Европейская низменность не защищена никаким горным барьером. Отсюда и пушкинские сожаления: «природы русской скудость», «...эта скудная природа». Гастгаузен – прусский знаток сельского хозяйства, побывавший в России в середине XIX-го в., подробно подсчитал, насколько неприбыльно сельское хозяйство в России, особенно в лесной полосе. Свои подсчёты он заключил советом: если вам подарят поместье в северной России при условии, чтобы вы вели в нём хозяйство так же, как на ферме в Центральной Европе, лучше всего будет отказаться от подарка, потому что год за годом в него придётся вкладывать деньги (Пайпс, 2012). Согласно

этому автору, поместье в России могло стать доходным лишь при двух условиях: при использовании на сельскохозяйственных работах труда крепостных (что освободит помещика от расходов по содержанию крестьян или скота) или сочетании земледелия с мануфактурой, чтобы занять крестьян, сидящих без дела в зимние месяцы. Непонятно кому давал Гастгаузен свои советы, потому что именно так всё и происходило. В 1858-59 гг. в России была опубликована следующая статистика (Пайпс, 2012). Согласно переписи в эти годы в 37 губерниях России проживало около 90000 крепостников обоего пола. Для целей нашего рассказа можно не принимать во внимание более 68000 обедневших дворян (у которых было менее 100 душ) и которые только по этому признаку не имели права голоса в дворянских собраниях (по указу 1831 г. Николая I). Какая уж тут усадьба, какие сады и парки, когда существование таких дворян не отличалось от крестьянского по своему достатку. Единственные заботы – о сиюминутном и материальном, ни политических, ни духовных устремлений. К богачейшим дворянам относились члены примерно 1 000 семейств, каждое из которых владело 1000 и более душ (в среднем – по 4000 взрослых крепостных обоего пола). Мало кто из них вообще имел представление о своих доходах и расходах и заглядывал когда-либо в конторские книги. И, наконец, – среднее дворянство – от 80 до 200 душ, и состоятельное дворянство, имевшее от 200 до 1000 крепостных душ (в среднем – 470). Это означало: независимость, возможность дать детям современное образование, совершать наезды в Европу и обучаться в тамошних университетах и возможность быть политически активной силой общества (Рузвельт, 2008).

Среднее дворянство, вместе с богачейшим, составляли одну пятую часть от общего числа дворян-крепостников. Русская культура и классическая русская литература в большой степени есть произведение этого слоя дворян. И дворянские усадьбы с их главными домами или дворцами, садами и парками, оранжереями и крепостными театрами, библиотеками и музеями составляют значительную часть этой культуры.

И всё-таки это удивительно. Из данного мной самодеятельного определения – что такое дворянская усадьба – ясно, по крайней мере, одно: это такая часть дворянского имения, которая должна быть полностью затратной. А вернее, при свойственной россиянам экстенсивной системе ведения хозяйства – ещё более затратной,

чем сельхозугодия. От пахотной-то земли доход, при наиболее распространённой урожайности «сам-третьей», проблематичен – это только себе на прокорм. Выручали крепостные, когда их было много, – мануфактуры по выделке льняных тканей, кирпичные заводи-ки, гончарное производство, изготовление столовой посуды и т.д. Прибыль от такого хозяйства могла быть нарушена только обилием религиозных праздников, приходящихся именно на зимнее время.

И вот, наперекор стихиям, при кратком вегетационном периоде, в теплицах и оранжереях выращиваются круглый год персики и нектарины, вишня и ананасы, дыни и арбузы. Свежие цветы – круглый год – во всех комнатах. Пальма первенства тут принадлежит имению Разумовских Горенкам в двадцати верстах от Москвы (Рузвельт, 2008). Имение славилось огромным ботаническим садом, который иностранцы-современники называли «одним из самых великолепных во всём мире». «Здесь вас поджидают азиатские развлечения среди сурового русского климата – прогулки по тропическим лесам и рощам, когда снаружи мороз достигает 35 градусов» (Рузвельт, 2008). Ну ладно, граф Разумовский был всё-таки весьма богат. Но вот у главной героини «Пошехонской старины» Анны Павловны Глуховой (из мелкопоместных дворян) получалось выращивать в своих «ранжереях» персики и абрикосы, да ещё в таком количестве, что они в корзинах отвозились в город. А «Пошехонское захолустье» – это Тверская область, точно на север от Москвы (Салтыков-Щедрин, 1980). При подзолистых и песчаных почвах, а то и болотах, – ливанские кедры и американские вязы в усадебных парках, распространение за пятидесятой параллелью дубовых и липовых рощ. Похоже, только на дворянской усадьбе можно было восполнить то, чем обидела природа. И сделать всё наперекор ей. Но объяснить это просто желанием поступить вопреки природе было бы слишком поверхностно. Культурному дворянину, воспринявшему идеи Века просвещения, попавшему в природу и не обременённому выматывающими заботами о добывании хлеба насущного, представилась возможность прислушаться к ней, понять природу, а не идти на неё с огнём и топором. Дворянин принёс в природу другой ритм жизни и созерцательность, которые вместе с крестьянским долготерпением и языческим поклонением ей позволили возделывать и землю и душу, расширить диапазон бытия. Не насиловать природу, а помочь ей своей мыслью и изобретательностью – и она отплачивала за это сторицей. Появляется культура народа как

«...прилаженность – к тому варианту природы, который ему дан... . Нельзя её сменить без потери народом своей субстанциальной сути» (Гачев, 1995). Вторжение в естественную среду со строительством усадебных зданий, будучи всегда агрессией по отношению к природе, компенсировалось у грамотных хозяев желанием её преобразовать и дополнить попытками создания идеального мира. Бредовость мыслей об идеальном мироустройстве и предметоустройстве становилась, при счастливом стечении обстоятельств, реальностью в пределах усадебного забора. Так и возникли и распространились по России прекрасные миры, которые было очень радостно создавать, за которыми было очень дорого ухаживать (гораздо дороже, чем за зданиями на территории усадеб), которые оказалось так легко уничтожить и которые так трудно, почти невозможно, возродить.

Идейной вдохновительницей дворянского общества во время усадебного бума была, конечно же, Екатерина II, с её «легисломанией» (манией писать и создавать законы), манией строительства и намерениями создать в России слой граждан, проникнутых общественным духом. Екатерина прекрасно понимала, что русское дворянство лучше всего сможет выразить себя как аристократическое общество именно в усадебном доме, вместе со всем, что его окружает. Западно-европейская аристократия этот путь уже прошла. А в России в конце XVIII в. началась строительная горячка. На просторах России можно было встретить всё: от простой, небольшой благоустроенной территории со скромным домом – до парка вельможи с дворцом, выполненным в изощрённых и изысканных формах. Аристократов обслуживал узкий круг самых талантливых архитекторов России – Баженов, Бланк, Казаков, Старов, Львов. В отдалённых от центра краях росли как грибы после дождя палладианские особняки. Романтизм, псевдоготика, голландский, восточный, мавританский стили, особенно в своих декоративных чертах, нашли применение в усадебном строительстве. И всё вместе это выглядело как театральная сцена, в которой можно было не только выставить напоказ своё немереное богатство, удовлетворить своё тщеславие, но и продемонстрировать просветительские идеалы екатерининской эпохи. Екатерина выступала при этом не только как законодательница, но и как активная участница строительного бума. В письме к Вольтеру она раскритиковала, как могла, французский регулярный стиль и официально подтвердила моду на нерегулярные,

живописные ландшафты, соответствующие переменам в садово-парковом хозяйстве Англии (Вергунов, Горохов, 1996). К началу XIX-го века английский нерегулярный сад получил широкое распространение в русской усадьбе. Основные детали и масштабы работ зависели от того, что мог позволить себе помещик. И тут на помощь русскому дворянству как раз вовремя появились труды учёного-садовода и агронома Болотова, который издал 40 томов журналов «Экономический магазин» и «Сельский житель». Теоретические вопросы садоводства сочетались в этих изданиях с детальными практическими советами. Болотов имел в виду вдохновить и снабдить советами относительно небогатых помещиков, как превратить естественную среду в природный рай. Из способа заработать на жизнь в богатых и средних усадьбах земля становилась образом жизни. «Эффект кажущейся естественности» достигался нередко колоссальными усилиями. В селе Богородском Московской губернии целью того же Болотова было найти родник и постараться поднять повыше его исток, чтобы облегчить устройство каскадов и водопадов. Перемещая огромные массы земли, бригады крепостных крестьян изменяли рельеф местности, рыли пруды и бассейны, прокладывали каналы. Так что пейзажный парк далеко не всегда был дешевле. Мне кажется, что Болотов был романтиком, творческой личностью, у которых советы и рекомендации нередко расходились с их же практикой. Болотов, выйдя в отставку, развёл обширный регулярный (!) сад, который сам же рассматривал как тройную ошибку:

- во-первых, потому что руководствовался иностранными книгами, не учитывающими климата России;

- во-вторых, содержание регулярного сада требовало слишком много сил;

- в-третьих, потому что в то время ни о каких других садах не было ещё и понятия (Вергунов, Горохов, 1996).

Временные рамки расцвета и упадка дворянских усадеб хронологически вовсе не всегда отстояли друг о друга: что вот, вначале был расцвет, а упадок – это потом. Разорение первой, самой многочисленной группы дворян началось одновременно с дарованной им свободой.

Получившие землю служилые дворяне, многие из них, понимали, что им с этими заботами не справиться. А те, кто не понимали, заводили, чтобы быть «не хуже других», крепостные театры,

домашние оркестры, певчих, давали балы («...да ещё музыка будет полковая!», как у Лариных в «Евгении Онегине»), содержали конюшни и псарни, не говоря уже о многочисленной прислуге. Заканчивалось это довольно быстро полным разорением (те же Ларины – балы задавали, а когда речь зашла о том, чтобы снарядить возок и отправить в столицу засидевшуюся, по тогдашним понятиям, в девках Татьяну, то – «доходу мало». Спасибо, сосед дал займы). Потому – никакой идеализации и умиления по поводу усадебного дворянского быта. Были и жестокий Троекуров у Пушкина, и придурковато-буйный Ноздрёв, и идиотка Коробочка, и Салтычиха – «изверг рода человеческого», и Кашкаров со своим гаремом. Но были и выдающиеся деятели эпохи Просвещения, такие как архитектор, инженер, общественный деятель, поэт Львов и один из первых агрономов Болотов – люди, склонные к поиску, которые рассматривали каждую усадьбу как уникальное пространство, формируемое человеком, чувствующим характер и «дух» местности и создающим каждый раз свою идейно-художественную программу (Вергунов, Горохов, 1996). Их подвижничество, вместе с усилиями образованной элиты русского дворянского общества, способствовало тому, чтобы возникла «ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА» как феномен, сыгравший роль источника русской высокой культуры.

Для родовитых дворян в наследственных усадьбах олицетворялись корневые связи с предками, с родной землёй, как вотчиной; в память о давности рода стены украшались фамильными портретами. Время в усадьбе мерилось масштабами человеческой жизни – именно поэтому большинство усадеб носило имя владельца. «И ещё, – наверное, самое главное» – как пишет Швидковский, – «от времени дарования вольности дворянству до освобождения крестьян сменилось от силы четыре поколения. Поколения жили вместе, ещё больше усиливая цельность русского усадебного времени: внушки, читавшие Тургенева, бабушки, помнившие Екатерину, отцы, участвовавшие в войнах с Наполеоном, сыновья, вышедшие на Сенатскую площадь во время декабрьского восстания... Постоянное ощущение прошлого в настоящем...» (Швидковский, 2009). Это – не только дань англomanии, где загородный дом – это олицетворение семейных и культурных традиций, накопленных многими поколениями.

Именно в дворянской усадьбе, наперекор общей, характерной для большинства российских семей, картине, когда «телесные нака-

зания во всех видах считались главным педагогическим приёмом» (Салтыков-Щедрин, 1980), сформировалась поэзия родного крова, где свет материнства, родительские радости, связанные с рождением младенца, теплота своего угла становились памятью, которая сопровождала всю жизнь и укрепляла души людей. Верно замечено, что во всей выдающейся русской литературе про детство на самом первом месте – дворянский сад. Условности, которые налагали на людей дворянского круга особенности усадебного быта, проявлялись в такой, характерной черте обитателей русского дворянского сада, как интравертность – погружённость в собственный внутренний мир (Квасов, 2012). Контакт с внешним миром устанавливается с трудом. Да, какое там, устанавливается - от внешнего мира нужно было отгородиться, потому что он был враждебен. Надёжный забор – это не столько обозначенная граница, это ещё и порождение психологического барьера от враждебного общества, которое стремилось при первом удобном случае эту границу нарушить. Гармония, уходящая в бесконечность, в виде далёких и прекрасных видов на поля, реки и рощи в России удавалась далеко не всегда. На эту тему – гениальный рассказ Чехова «Новая дача», недооценённый, по-моему. Исследователи на темы «Русская усадьба» пишут, что на всей территории сельской местности можно встретить следы валов, огораживающих «увеселительные сады». «Валы эти, оставаясь частью общего пейзажа, зримо напоминали о пропасти, разделяющей европеизированного владельца имения в его идеальном окружении и его же «посконных» крепостных в близлежащих деревнях» (Рузвельт, 2008).

«ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА» – это социальное и материальное обрамление культурной жизни исключительного масштаба и резонанса.

Рис. 1. Г.Ю.Орлов - "Усадьба Архангельское"

Рис. 2. Г.Ю.Орлов - "Пейзажные парки Северного Кавказа"

Рис. 3. Г.Ю.Орлов - "Усадьба Суханово"

Конечно, золотой век русской культуры литературоцентричен. В усадьбу Остафьево, к югу от Москвы, – этот русский Парнас, по выражению Пушкина, – приходили несколько поколений русских литераторов: Баратынский, Батюшков, Кюхельбекер, Денис Давыдов, Жуковский, Грибоедов, Пушкин, писатели: Гоголь, Карамзин. Отец, сын и внук Вяземские собрали в Остафьево библиотеку, которая насчитывала 22 тыс. томов. Если к Остафьеву добавить ещё всего дюжину дворянских усадеб – «идеальных миров» – то окажется, что венок этих усадеб был магнитом, объединившим все главные фигуры русских литераторов. Салоны хлебосольных богатых помещиков, живших открытым домом, создали идеальные условия для неформальных контактов между людьми, интересующихся общественными делами.

Усадьба, материальной основой которой было крепостничество, воспитала людей, выступивших против крепостничества, стала местом зарождения антицарских побуждений. Из рядов среднего дворянского слоя, сохранившего тесную связь с землёй, возникло славянофильское движение. Постепенно растущая образованная часть дворянства пополнила ряды российской интеллигенции. Сегодня исследователями русской культуры (Дружинина, Лотман, Шмидт) доказано, что понятие, слово «интеллигенция» появилось не в 60-ые годы XIX века благодаря литератору Боборыкину, а является словом пушкинских времён, когда так называли европейски образованную аристократию. Толстой пишет о восприятии Пьером Безуховым в салоне Шерер «всей интеллигенции Петербурга». У Жуковского уже тогда, в 1830-е годы, понятие интеллигенции ассоциируется не только с принадлежностью к определённой социокультурной среде, но и с нравственным образом мысли и поведения, т.е. с интеллигентностью в позднейшем смысле этого слова (Шмидт, 2002). Через прорубленное Петром I окно в Россию залетела этика протестантского отношения к труду, которая стала стилем жизни русской низовой интеллигенции – земцев, учителей, врачей, библиотекарей, – короче говоря, героев Чехова. Этот мыслящий пролетариат, по выражению Писарева, или умственный пролетариат, по выражению Добролюбова, значительно демократизировал понятие интеллигенции. Но, чтобы не сбиться с ведущей темы наших заметок, скажу только, что усадьба оказалась действительно сакральным пространством для русской интеллигенции – этого, по словам Окуджавы, «забытого людьми и богом племени», «с освистанными речами и манерами» и с, уже, на всякий случай, «сколоченным из фанеры сундучком».

Сегодня можно только дивиться тому, какое разнообразие взаимопроникающих человеческих воззрений дал русской культуре малочисленный класс дворянства, «угнездившийся» в зазоре между угнетателями и угнетёнными. Славянофилы и «почвенники», либералы-западники и «раскаявшиеся дворяне» – народники, и многие другие течения и направления русской философской мысли. Общей чертой для всех этих течений была приверженность свободе. Но, в своё время, какие искры летели, сколько энергии, вражды и злобы было излито, чтобы опровергнуть друг друга... А всё это, в совокупности, были проявления русской культуры, которая суть основная, базовая ценность, ради которой можно пойти на любые ком-

промиссы и взаимопонимание. Усадебный мир в немалой степени способствовал пониманию того, что человек един во всём: и в том, чтобы делать добро, и в том, чтобы служить истине, и в том, чтобы творить красоту.

В XIX в. достигли большого расцвета свободные профессии, практически неизвестные в дореформенной России. Поэтому были ещё и усадьбы Мусоргского – Наумовка, и Чайковского – Клин, и Рахманинова – Ивановка. Были ещё художественные школы в Поленово на Оке, и в подмосковном Абрамцево, и в Пенатах у Репина. И если мы говорим, что XIX век был веком книги, то дворянская усадьба была не только идеальной пространственной нишей для их написания, но и наилучшей временной нишей для их чтения (особенно длинными зимними вечерами). Не было бы никакой любимой Пушкинской героини Татьяны Лариной, если бы она не читалась книг «в теченье сельского досуга», и не прошла, благодаря этим книгам, «школу воспитания чувств» (по выражению Кантора). Вообще, домашние библиотеки в дворянских усадьбах – это особая тема, заслуживающая специального изучения. В упоминавшейся уже книге Шмидта говорится о том, что «История государства Российского» Карамзина признавалась едва ли не обязательной принадлежностью домашних библиотек.

«ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА» – это материальное воплощение явления резонанса. Реальный ландшафт, небогатый, но обостряющий, по мнению Паустовского, зрение, влияет на формирование личности и вызывает желание оставить по себе память в рукотворном усадебном парке. Парк, в свою очередь, становится частью окружающего ландшафта и оказывает воздействие на формирование личности в следующих поколениях людей – возникает ощущение подвижности бытия.

«ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА» – это возникновение новых природных объектов. Человек создавал по идеальному плану, иногда на голом месте, на болотах и пустошах, то, чего нет в природе. Современный феномен «экологического производства» зародился в русской дворянской усадьбе! Не было и в помине такого понятия, как экология, тем более – «экологическое производство и воспроизводство» (Олейников, Борзова, 2008), но были посаженные человеком дубовые и липовые рощи, кедровые и лиственничные аллеи, обводнённые овраги с рыбными заводами. Опыт наших предков, практика их взаимодействия с природой, когда ощупью, а когда и с

серьёзными научными обоснованиями – это целая программа действий для современного экологического движения.

Дворянская усадебная жизнь ещё до Реформы 1861 г. «неторопливо, с достоинством сходила на нет». Рассуждения о том, что бы с ними было, если бы не революция 1917 г., гражданская война, варварские разгромы во время Великой Отечественной войны, следует отнести к разряду праздных домыслов. Так же, как следует помнить, что убийства и грабежи, разорения и поджоги начались задолго до 1917 года (Кантор, 2009). Главными разрушителями были (и остаётся до сих пор) мы сами. Историк, князь Львов: «В области разрушения у русских не было соперников».

Зачем было жечь и грабить? По мнению Блока, это – возмездие. Мужиков на конюшнях пороли? Крепостных девок насиловали – чего же теперь ждать? Бунин в «Окаянных днях» смотрит на это по-своему: иной уклад, иной уровень жизни... «Разрушает старую жизнь во время революции не презрение к ней народа, а, как раз, наоборот – острая зависть к ней и жажда её».

Это крайне эмоциональные точки зрения двух выдающихся русских литераторов-дворян, бывших усадебладельцев. А вот мнение выдающегося представителя литературно-философской элиты русского зарубежья Фёдора Августовича Степуна. У него – не «другая точка зрения», а попытка понимания, поиск истины через вопросы, на которые может и не быть ответа.

Он предлагает «...искать ключ к сути русского духовного творчества в обширной равнине, которая начинается в Европе и, переходя через Урал, тянется в Азию, ибо на этой равнине и появились те русские усадьбы, которые стали неотъемлемой частью русской культуры (Философия России первой половины XX в., 2012). Довольно немногочисленная часть привилегированного дворянского сословия, получив в частную собственность землю, дерзнуло позаботиться о придании своей земле цивилизованной формы. А работающие на ней русские люди никогда особенно не заботились об этой земле, потому что эта земля никогда этим людям не принадлежала. «Ни как колонизатор, ни как крепостной, ни как общинный крестьянин не был русский сельский работник полным хозяином своего клочка земли». Равнина и трудная история научили их, что никакое, даже весьма скромное и относительное, благополучие не длится долго. Как нельзя, кстати, звучат тут слова Гачева (2013) о том, что «...Рок России – это какофония между шагом Пространст-

ва и тактом времени». Никакая не лень и разгильдяйство, никакой не страх и не врождённая склонность к анархии (хотя эти пороки широко распространены среди всех славян) не являются первопричиной такого положения вещей. Равнина с незапамятных времён производила неизгладимое впечатление на пришедших сюда с юго-запада славянских земледельцев. «Оставь надежду, всяк сюда входящий» – гласил неписанный закон, витавший над её просторами...» (Степун, 2012).

А теперь вернёмся к эпиграфу нашей статьи. Да, идея создать цивилизованный мир силами «благородного сословия» оказалась мифом. Творческая дерзость этой немногочисленной группы просвещённых людей, пытавшихся создать усадебную культуру вопреки «чистой природе», заранее была обречена на неудачу на этой ничьей, или «Божьей земле», и, поэтому, так и осталась среди прочих мифов русской истории одним из самых прекрасных.

Ещё уцелевшие и не до конца разрушенные дворянские усадьбы, городские парки и сады остаются последними островками, которые никак не встраиваются в глобальную современную систему культуры и экономики и сохраняют метафизику пространственной организации жизни человека.

К сожалению, идея возродить то, что утрачено, пропагандируемая упоминавшимся уже «Обществом изучения русской усадьбы», усилия «Архнадзора» и других волонтеров, заступающих за русскую культуру, разбиваются о силу и ресурсы тех, кто им агрессивно противостоит. Строительный ажиотаж «новых русских» сочетает удивительным образом возведение загородных коттеджей и дворцов с одновременным варварским разграблением и уничтожением того, что за границей высоченных заборов со сторожевыми башнями. «Метаморфозы усадебного забора» – чем не тема для исследования... Хотя ясно и без всякого исследования. Сформировавшаяся веками особая российская ментальность, основанная на представлениях о бескрайности наших огромных просторов и неистребимом богатстве наших лесов и рек, оборачивается к нам самой мрачной и грозной стороной: такими же огромными просторами вымершей, уже неспособной что-либо родить, земли, отравленными реками и высохшими водоёмами.

Мы все появились на свет значительно позже гибели дворянских усадеб и социальное происхождение у большинства из нас уже иное, чем у бывших усадебовладельцев. Но особенности жиз-

ни, которые породила усадьба, стали чертами нашего национально-го характера. Усадьба, по-прежнему, остаётся душой нашего русского ландшафта. Именно десятки тысяч усадебных парков и садов одухотворили нашу скромную природу и установили связь наших чувств, воспитанных нашей литературой, с пейзажем. Поэтому «ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА» – это не только миф. Это феномен русской истории и культуры, золотой век которой навсегда запечатлён в порождённой ею русской литературе. Такой вот круговорот: идеальные мечты породили вполне материальные памятники, от которых остались одни лишь мифы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворянские гнёзда России. История, культура, архитектура. Изд-во Жираф, М., 2000 г.
2. Вергунов А.П., Горохов В.А. «Вертоград», изд-во Культура, М., 1996 г.
3. Гачев Г.Д. Жизнь с мыслью. Книга счастливого человека», М., 1995 г. и М., МТРК «Мир», 2013 г.
4. Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. Изд-во РОССПЭН, 2009 г.
5. Квасов А.Ф. Технологии строительства. № 4, изд-во АРД, М. 2012 г.
6. Олейников Ю.В., Борзова Т.В. Экологическое взаимодействие общества с природой (философский анализ). Изд-во РГСУ, М., 2008 г.
7. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2012 г.
8. Присцилла Р. Жизнь в русской усадьбе. Опыт социальной и культурной истории. Изд-во КОЛО, С-П., 2008 г.
9. Степун Ф.А. Философия России первой половины XX века. М., РОССПЭН, 2012 г.
10. Швидковский Д.О. От мегалита к мегаполису. Изд-во Архитектура-С, М., 2009 г.
11. Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2, кн.1, статья «Усадебоведение и краеведение», Изд-во Языки славянских культур, М., 2009 г., с.114.